

КУПЕЧЕСТВО В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Н. В. Серёда

ТОРГОВО-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТВЕРСКИХ КУПЦОВ В ИХ ДОКУМЕНТАХ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В историографии сложилось устойчивое мнение, что купцы Верхневолжья в XVIII в., после сооружения Вышневолоцкой водной системы, преуспели в торговле за счет посреднических операций¹. Для обеспечения населения столицы Российской империи продуктами и другими необходимыми товарами караваны судов шли вверх по Волге до Твери и дальше на север по Тверце и системе каналов и шлюзов до Петербурга. За период навигации барки в лучшем случае достигали городов Тверской губернии. Дойдя до Твери купцы Среднего и Нижнего Поволжья продавали здесь зерно и муку верхневолжским купцам. Система транспортировки грузов была хорошо организована и отрегулирована. С момента постройки Вышневолоцкой системы верхневолжские купцы имели большой доход от посреднической торговли. Рассмотрим, насколько подробно освещена она в дневниках и мемуарах тверских купцов².

Меньше всего сведений о торгово-предпринимательской деятельности содержится в так называемом «Дневнике» купцов Блиновых. В нем с 1785 г. появляются записи, сообщающие о покупке хлеба и ценах на него. Кто-то из членов рода ежегодно производил закупки зерна и муки в период с августа по ноябрь. Дневник фиксирует закупочную цену и приблизительную дату покупки. Во всех случаях указан лишь месяц совершения сделки. Очень редко сообщается о месте приобретения зерна и муки. Несколько раз говорится о покупке в лавке, один раз — на базаре и один раз — с барок (аржаной муки). Время совершения Блиновыми покупок (с августа по ноябрь) совпадает с периодом, когда купцы Верхневолжья скупали хлеб с барок, направлявшихся с низовьев Волги в Петербург. Однако для отправки в столицу тверские купцы хлеб обычно скупали прямо с проходящих барок кулями, очень часто приобретали саму барку и весь ее груз. В дневнике Блиновых лишь один раз (в июле 1787 г.) сообщается о покупке ржаной муки с барки кулями (по цене 5 руб. 50 коп. за куль). В других случаях дневник фиксирует стоимость одного пуда хлеба, а это позволяет считать такие закупки хлеба и муки исключительно для домашнего потребления.

Непонятно, откуда у Блиновых появлялись деньги для строительства и покупки домов — жилищные условия членов семьи постоянно улучшались.

После смерти отца братья Иов и Никифор Блиновы со своими семьями проживали в одном доме, доставшемся от родителя³. Их престарелая мать также жила с ними. Позднее у каждого из братьев был отдельный дом. Старшему сыну Иов «построил двор и отделил его жить там» (с. 236)⁴. Младший сын Петр и его семья жили вместе с Иовом вплоть до его смерти. В 1816 г. их жилищные условия существенно улучшились. Согласно дневнику, в этом году был куплен дом в городской части Твери в Козмодемьяновском приходе, каменный, «внутри все переделано». В него перешли жить всем семейством Иов Блинов, его сын Петр и два внука (Арсений и Яким), а также сожительница Петра Надежда Михайлова и его дочь Любовь (с. 242). Новый дом был очень просторным и Петр незадолго до своей смерти поделил его между своим сыном от первого брака Якимом и своей второй женой Аксиньей Куровой (с. 251).

Возможно, источником благосостояния Блиновых была торговая лавка. По городской обывательской книге 1817 г. за Иовом значатся две каменные лавки в Рыбном ряду⁵. Притом, что Блиновым бесспорно принадлежали рыбные лавки, сведений о покупке рыбы или о рыбном промысле членов семьи не обнаружено. Из дневника известно о существовании лишь одной лавки. Документ сообщает, что в 1835 г. после смерти Петра Иевлевича его вдова сдала лавку в аренду Петру Михайловичу Никифорову. В дневнике ежегодно фиксировались выплаты арендатором денег за пользование лавкой, но при этом неизвестно даже в каком ряду эта лавка располагалась. Мы можем лишь предполагать, что это была одна из двух рыбных лавок, которые, согласно городской обывательской книге, числились за Иовом в 1817 г. Блиновы сдавали лавку за 100 руб. в год, хотя в это время аренда лавки в Гостином ряду стоила около 200 руб. (с. 275).

Видимо, именно сдача лавок в аренду приносила доход семье Блиновых, хотя доход этот был не таким значительным, каким мог бы быть. Сдача лавок избавляла от хлопот по купле-продаже товаров. Это обстоятельство, в свою очередь, позволяло Иову и его сыновьям интересоваться заботами города, историей края и наиболее значимые события фиксировать в своем дневнике.

Из текста семейного дневника складывается впечатление, что Блиновы не относились к «акулам» нарождающегося капитализма. Они явно не были озабочены увеличением своих доходов и вообще торгово-промысловая деятельность, ни своя, ни чужая, не представляла для них интереса. Для мужчин из рода Блиновых торговля и предпринимательство воспринимались только как повседневность, не заслуживающая фиксации в документе, который члены этой семьи вели на протяжении почти ста лет.

Летопись Михаила Тюльпина уделяет этой стороне жизни значительно больше внимания. Историю своего рода Тюльпин вел от священнослужителя. Первый лист рукописи его летописи имеет заголовок «О начальном происшествии рода Тюльпина». Автор со знанием дела сообщает, что его предок Василий Григорьевич был священником при церкви Николая Чудотворца, располагавшейся в тверском кремле (с. 265). Однако сын этого священника, Григорий Васильевич, вышел в посад и переселился в приход церкви Владимирской Богоматери. Довольно многочисленные потомки Григория

в конце XVIII — начале XIX в. занимались производством солода. Подтверждения тому находятся на многих страницах составленного М. Тюльпиным документа, особенно в связи с описаниями пожаров. В тверском пожаре 1763 г. дом, где жил Михаил с родителями, сгорел, и они перешли жить в Кожевенную слободу к вдове Агафье Григорьевне Куровой, «потому что у нее было две солодовни и два овина». Благодаря использованию этих помещений Тюльпины получили возможность заняться производством солода. За пользование солодовнями и овином они платили хозяйке по 12 коп. с передела (с. 268), то есть плата соотносилась с количеством производимого солода, что, видимо, было удобно и владелице, и арендаторам. При восстановлении Твери после пожара желающим построить заводы были отведены самые дальние места. На отведенном им месте Тюльпины построили дом, солодовню и овин. Переселение в свой новопостроенный дом после двух с половиной лет «жизни по чужим домам» очень радовало Михаила, но ему крайне не нравилась отдаленность нового жилища от центра города. Тем не менее для семьи, видимо, было крайне важно построить не только дом, но и помещения для производства солода, и это примиряло их со сложившимися обстоятельствами.

Впоследствии Тюльпин уже со своей собственной семьей пережил еще не один пожар. После пожара 1782 г. его семья переселилась в дом тестя, купца Петра Федотовича Подсыпаньина. На этот раз Михаилу менее чем за год удалось построить новый солодовенный завод и лишь позднее — новый дом (с. 276). Кажется, что для него постройка завода и рощение солода были более важным делом, чем постройка дома. Судя по всему, Тюльпин вполне отдавал себе отчет, что именно производство и продажа солода дают семье средства к существованию, в том числе и деньги на строительство нового дома. Зимой 1805 г. случился еще один пожар. На этот раз сгорел только овин. Виновником произошедшего Тюльпин считал работника, нанятого в помощь для производства солода (с. 282). Новый овин был возведен буквально за несколько месяцев. Автор летописи сообщает, что уже с 3 августа 1806 г. начали сушить солод в новом овине.

Производственно-торговая деятельность не казалась Тюльпину, в отличие от Блиновых, занятием не достойным внимания и фиксации для памяти потомков. Более того, он счел необходимым зафиксировать некоторые технологические тонкости производства солода. Видимо, солодовенное производство не воспринималось Тюльпиным только как источник средств к существованию, но и искренне его увлекало. Он производил особый «шишишный» солод и весьма гордился этим обстоятельством. Тюльпин приводит некоторые подробности, касающиеся торговли солодом. «Впредь для сведения означая приготовление и продажу шишишного солода, которая составляла первую торговлю нашего товара» (с. 284). Этот сорт солода продавали не на вес, а мерами. По свидетельству самого Тюльпина, в одну меру входило от 9 до 13 фунтов в зависимости от плотности насыпки, стоимость же меры солода была одна и та же и не зависела от ее веса. Жители Твери привыкли к такой продаже, а иногородние купцы «считали оное за обман». Продавцы стремились насыпать солод рыхлее, чтобы меньше вошло в меру по весу. Это требовало

особого таланта и давало сильную нагрузку на спину продавца. Тюльпин отмечал, что «от оной продажи во время свального торгу у продавца не однажды хряснет в спине, а прибыль не очень корыстна» (с. 284). В 1808 г. он с горечью записал, что «шишишного солоду продажа кончилась, потому что покупатели пожелали покупать солод весом» (с. 283).

Производство солода требовало закупки зерна в больших объемах. Члены семьи Тюльпиных иногда покупали зерно с барок, а также ездили за ним в Рыбинск (с. 311). Скорее всего, Тюльпины делали оптовые закупки зерна и муки не только для производства солода, но и с целью перепродажи. В дневнике есть лишь одно прямое указание на это. Тюльпин записал, что в декабре 1769 г. он отправился в Санкт-Петербург с одним из своих родственников. Они ехали с обозом, груженным «нашим товаром — солодом и ячменем», а также «пряничным товаром» родственника. Кроме того, Тюльпины, видимо, осуществляли розничную торговлю из лавки, которой владели весь период, охватываемый записями дневника. Сначала лавка находилась у них в собственности, но в 1777 г. они по неизвестным причинам свою деревянную лавку сломали, после чего долгое время арендовали лавку — сначала у Ивана Соболева, а позднее — у городского гражданского общества. Неизвестно, какие товары продавались в лавке, но, скорее всего, продажа не ограничивалась только солодом. Во всяком случае арендованная лавка располагалась не в Солодовом ряду. В указанном ряду Тюльпин приобрел лавку в 1799 г., видимо, именно в ней и производилась продажа шишишного солода. Но зачем ему надо было продлевать дорогостоящую аренду лавки у городского общества? Скорее всего — для розничной продажи из нее продуктов питания. Следует отметить, что начиная с 1808 г. Тюльпин сообщает в своей летописи цены на очень широкий набор продуктов: мясо и рыбу разных видов, яйца, масло коровье и постное, хмель, редьку, мед, сахар и др. Надо полагать, в летописи указаны цены, по которым отпускался товар из лавки Тюльпиных. Начав фиксировать цены, первые годы Тюльпин делал это раз в год, но с 1812 г. цены «хлебные и харчевые» стали им фиксироваться несколько раз в год, а затем и вовсе ежемесячно.

Что касается стоимости аренды лавки, то Тюльпин не фиксировал ее ежегодно, но в 1822 г. одной обобщающей записью показал динамику арендной платы. Автор с неудовольствием отмечает постоянный рост стоимости аренды: с 1777 по 1822 г. она выросла с 12 до 250 руб. По сведениям Тюльпина после передачи в 1786 г. лавок в собственность городского общества арендная плата стала увеличиваться особенно заметно (с. 275). Тюльпин называет фамилии людей, занимавших должность городского головы, при которых происходила переторжка в Гостином дворе. При этом автор летописи с раздражением пишет, что каждая переторжка заканчивалась увеличением арендной цены за лавку (с. 275). Тем не менее, маловероятно, что экономный Тюльпин стал бы платить за аренду лавки, если бы не получал от ее эксплуатации доход.

Летопись Тюльпина позволяет утверждать, что их семья была занята прежде всего производством товара — солода. Торговая деятельность велась Тюльпинными прежде всего для обеспечения производства сырьем, а также

с целью сбыта произведенного товара. Автор летописи испытывал интерес к производственной стороне дела и считал необходимым, в отличие от Блиновых, рассказывать о ней. С его точки зрения эта сторона жизни была столь же достойна внимания как смена церковных иерархов и приезды в Тверь членов императорской семьи.

Памятная книга купцов Томиловых представляет нам еще один тип сознания тверского купеческого семейства. Для членов этой семьи торговая деятельность была основной составляющей их жизни, источником средств к существованию большого родственного клана. Они в полной мере это осознавали и поэтому данная сторона жизни и связанные с ней отношения составляют основу памятной книги, которая велась на протяжении многих лет. Судя по этой книге, жизнь Томиловых в основном была подчинена проведению торговых операций, а всё прочее (строительство городских церквей, смены иерархов и приезды в Тверь членов императорской фамилии) их мало интересовало.

Цены на хлеб и муку фиксируются в книге практически ежегодно начиная с 1786 г. Этот год отмечен как неурожайный, вследствие чего хлеб и мука очень подорожали. Именно это обстоятельство обратило на себя внимание автора записей и заставило его привести сведения о ценах на эти товары. На следующий год цены стали еще выше. Пуд ржаной муки в Твери стоил 80 коп., а в Москве — 1 руб., «что считалось за самую высокую цену» (с. 319).

Томиловы торговали оптом и в розницу. Памятная книга сообщает подробности организации торгового дела в этой семье. После смерти своего отца Григория Григорьевича братья Влас и Осип вели торговую деятельность вместе. Между ними сложилось определенное разделение обязанностей. Для оптовых закупок зерна и муки Осип ездил вниз по Волге, а Влас сопровождал товар в столицу и там его продавал в летний период. Как правило, Влас в апреле на своих барках отправлялся из Твери вместе со всем тверским караваном. При этом Томиловы не ограничивались отправкой товара в апреле. Неоднократно Влас отправлял вверх по Вышневолоцкой водной системе барки, груженные хлебом в августе и даже сентябре. В этом случае он сам не сопровождал барки. В Петербурге у Томиловых находился приказчик И. Т. Аваев. Видимо, он встречал товар, отправляемый из Твери в конце навигации и обеспечивал его продажу. Кроме того, иногда на него оставался также не проданный Власом в летний период товар. Именно так случилось, например, в 1813 г. Запись памятной книги сообщает, что на зимовку в столице осталось тысяча кулей муки, «которую препоручено продавать приказнику нашему И. Т. Аваеву» (с. 328).

Купленный в Среднем и Нижнем Поволжье товар верхневолжские купцы не всегда отправляли в Петербург и даже не всегда привозили в Тверь, но стремились перевезти его как можно выше от места покупки по основной транспортной артерии страны. Так, в 1807 г. уже в октябре, то есть в конце навигации Осип Томилов «покупал хлеб в Лыскове, которой остался на зимовку в Нове Городе, которой тут же продан» (с. 323).

Томиловы не замыкались на купле-продаже традиционного для тверских купцов товара — зерна и круп, они использовали любую предоставлявшуюся возможность для увеличения своего капитала. В 1805 г. Влас как обычно возил свой товар в Петербург и там купил у осташковских купцов сукно разных сортов, которое затем продал в Твери господам Тетяевым. В памятной книге он не без гордости сообщает: «взяли по 1 руб. 50 коп. на аршин барыша» (с. 330).

Успех не всегда сопутствовал братьям Томиловым. В 1820 г. после продажи товара в столице Влас подвел итоги и оказалось, что «был от овса барыш, а от муки — убыток». В этот год продажные цены на муку постоянно снижались (с. 335).

После смерти Осипа Томилова в 1823 г. в хорошо отлаженный технологический процесс функционирования капитала потребовалось вносить изменения. Влас один не мог делать закупки в нижнем течении Волги и затем возить товар в столицу. Некоторое время он, похоже, находился в растерянности, но начиная с 1824 г. организовал закупку овса и муки, а затем их продажу местным купцам с незначительной выгодой для себя. Расход на закупку и провоз товара до Твери едва-едва покрывался продажной стоимостью товара (с. 338, 339, 344).

В своей памятной книге Влас фиксировал закупочные и продажные цены, стоимость провоза товара до Твери, фамилии купцов. В 1829 г. он поручил продажу закупленного товара комиссионеру П. Г. Коровину. Ему было передано 1315 кулей овса с тем, чтобы он доставил и продал его в столице. За доставку Коровину требовалось заплатить по 1 руб. 20 коп. с куля. Грустный итог этого эксперимента Влас зафиксировал в книге: «от этой операции убытку получено 1 тыс. руб. Впредь на комиссию ничего не сдавать» (с. 345). По счастью к этому времени сын Власа Николай стал достаточно взрослым и отец счел возможным в 1830 г. отправить его в Рыбинск в лодке вместе с купцом Андреем Варфоломеевичем Арефьевым (с. 347). 1830 г. стал знаменательным в жизни семьи Томиловых. Во-первых, у Власа появился помощник, который впоследствии заявил о себе как достойный преемник семейного дела, во-вторых, в этом году впервые, судя по тексту памятной книги, Влас повез свой товар для продажи не в столицу, а на юго-восток от Твери — в Тулу и Калугу. Пробная поездка, видимо, показала перспективность этого направления торговли, потому как в последующие годы и сам Влас, и Николай повторяли этот путь и продлили его до Харькова. Там создавался новый промышленный район, численность населения увеличивалась и поэтому требовалось много продуктов питания и других товаров потребления. Летом 1833 г., поехав в этом направлении с обозом, Влас уже по дороге распродал весь товар и в Харьков приехал пустой лишь для того, чтобы получить 1700 руб. долга. В этот же год зимой в Харьков на 14 подводках поехал Николай, еще 12 подвод было отправлено в промежутке между поездками Власа и Николая. Кто сопровождал эти подводки из текста дневника установить не удалось.

Постепенно Влас уходил от дел, так как страдал ревматизмом и водяной. Оптовая торговля полностью легла на плечи Николая. Памятная книга сообщает об отправках в этот период Томиловыми товара в Болхов и Харьков.

И в ней нет ни одной записи, свидетельствующей о традиционном движении товаров по Вышневолоцкой системе в Петербург.

Складывается впечатление, что главное назначение памятной книги семьи Томиловых заключалось в сохранении и передаче опыта осуществления торгово-предпринимательской деятельности. В этом документе сообщаются некоторые детали торговых операций, имена посредников, места покупки и продажи товара, покупные и продажные цены, размеры полученной прибыли. Авторы фиксируют даже условия сделок и обстоятельства их реализации.

Видимо, вся эта деятельность давала неплохие результаты. Получаемые доходы позволяли семье Власа Томилова украшать домашние образа дорогими окладами, делать весьма недешевые покупки предметов отнюдь не первой необходимости (зеркала, серебряные ложки и др.), о чем глава семейства не без удовольствия сообщает в своих записках. Таким образом, памятная книга фиксирует не только операции, позволявшие наращивать семейное состояние, но и расходные статьи бюджета, которые, впрочем, тоже подтверждают состоятельность семьи Томиловых. При этом следует отметить, что торговля и предпринимательство для Власа являлись источниками не просто богатства, но и средством обеспечения семьи и создания комфортной и удобной среды обитания.

Как видим, дневники не всех тверских купцов содержат сведения о характере торговли и организации торгово-предпринимательской деятельности. Низкая информативность едва ли является следствием желания сохранить эти сведения в тайне. Блиновы, в отличие от М. Тюльпина и В. Томилова, просто не считали эти сведения заслуживающими внимания.

Примечания

¹ Волков М. Я. Города Верхнего Поволжья и Северо-Запада России, первая четверть XVIII в. М., 1994; Демкин А. В. К вопросу о преемственности торговых капиталов XVII в. // Промышленность и торговля в России XVII–XVIII вв. М., 1983. С. 168–173; Клокман Ю. Р. Очерки социально-экономической истории городов Северо-Запада России в середине XVIII в. М., 1960.

² Купеческие дневники и мемуары конца XVIII — первой половины XIX века. М., 2007. С. 224–369.

³ ГАТВО. Ф. 312. Оп. 4. Д. 14551. Л. 148.

⁴ Купеческие дневники и мемуары... С. 236. Здесь и далее ссылки на дневники, опубликованные в указанном издании, даны непосредственно в тексте статьи в круглых скобках.

⁵ ГАТВО. Ф. 312. Оп. 4. Д. 14575. Л. 22.